

УДК: 94 (38)
DOI 10.52575/2687-0967-2025-52-4-808-815
EDN EECSGD
Оригинальное исследование

Эволюция термина «сикофант» в контексте политизации судебной системы Афин V–IV вв. до н. э.

Мишин А.В. , Сивкина Н.Ю.

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского,
Россия, 603022, г. Н. Новгород, проспект Гагарина, 23
E-mail: andrey_michin@rambler.ru, sivkina@imomi.unn.ru

Аннотация. Цель исследования – проследить, как менялось содержание термина «сикофант» с момента первого его употребления в комедиях Аристофана, и выявить факторы, способствовавшие расширению его значения. Для этого анализируется этимология и самые ранние примеры его использования в комедиях Аристофана последней трети V в. до н. э. Делаются выводы о сближении в источниках образов сикофанта и демагога. Рассматриваются примеры участия профессиональных обвинителей в политических процессах конца V в. до н. э., за этим следует анализ употребления исследуемого понятия в фрагменте речи Гиперида «Против Дионда» из Архимедова палимпсеста. В результате делается заключение, что по мере все большей политизации судебной системы не использовавшееся в V в. до н. э. в контексте политических преследований слово «сикофант» во второй половине IV в. до н. э. начинает применяться к тем, кто систематически обращается в суд в борьбе со своими политическими оппонентами.

Ключевые слова: сикофант, древнегреческие ораторы, Афины, Гиперид, судебные речи

Финансирование: работа выполнена без внешних источников финансирования.

Для цитирования: Мишин А.В., Сивкина Н.Ю. 2025. Эволюция термина «сикофант» в контексте политизации судебной системы Афин V–IV вв. до н. э. *Via in tempore. История. Политология*, 52(4): 808–815. DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-808-815. EDN: EECSGD

Evolution of the Term “Sycophant” in the Context of Politicization of the Judicial System in Athens in the 5th and 4th Centuries BC

Andrey V. Mishin , Nataliya Yu. Sivkina

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod,
23 Gagarin Ave., Nizhny Novgorod 603022, Russia
E-mail: andrey_michin@rambler.ru, sivkina@imomi.unn.ru

Abstract. The article analyzes the etymology of the term “sycophant” during the 5th and 4th centuries BC. The purpose of the study is to trace how the content of the term “sycophant” has changed since its first use in Aristophanes' comedies, and to identify the factors that have contributed to the expansion of its meaning. As a result of their research, the authors conclude that the images of the sycophant and the demagogue are similar in the sources of the 5th and 4th centuries. The article examines examples of the participation of professional prosecutors in political trials in the late 5th century BC, followed by an analysis of the use of the concept in a fragment of Hyperides' speech “Against Diondes” from the Archimedes Palimpsest. The article concludes that as the judicial system became increasingly politicized, the word “sycophant”, which was not used in the context of political persecution in the 5th century BC, began to be applied to those who systematically used the judiciary to combat their political opponents in the second half of the 4th century BC.

Keywords: sycophant, ancient Greek orators, Athens, Hyperides, judicial speeches

Funding: the work was carried out without external sources of funding.

For citation: Mishin A.V., Sivkina N.Yu. 2025. Evolution of the Term “Sycophant” in the Context of Politicization of the Judicial System in Athens in the 5th and 4th Centuries BC. *Via in tempore. History and political science*, 52(4): 808–815 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2025-52-4-808-815. EDN: EECSGD

Введение

Долгое время считалось, что сикофанты – это те, кто на постоянной основе выдвигал ложные обвинения в целях личного обогащения [Lofberg, 1917, p. 7; Bonner, Smith, 1938, p. 41]. Новый взгляд на проблему был предложен в 1976 г. А. Эдкинсом в статье «*Polu pragmosune and "Minding One's Own Business"*», в которой он заявил, что данный образ был сформирован под влиянием выходцев из «высшего класса», которые могли назвать так всякого, кто беспокоил их вызовами в суд [Adkins, 2022, p. 188–189]. Тем не менее доминирующей данная трактовка так и не стала, и, например, Дэвид Харви, формулируя свое определение, вновь пришел к выводу, что сикофант – это тот, кто подает жалобы на богатых и влиятельных граждан за деньги с целью получить часть штрафа или конфискованного имущества или в надежде, что жертва откупится [Harvey, 1990, 106–107].

Вместе с тем в речах афинских ораторов IV в. до н. э. можно встретить и пассажи, в которых сикофантами называют тех, кто систематически прибегает к суду для борьбы с политическими оппонентами. Так, в частности, в 2005 г. была открыта речь Гиперида «Против Дионда», дающая новый пример подобного использования слова «сикофант», но не получившая еще должного внимания исследователей, занимающихся данным вопросом. При этом в контексте политических преследований оно употреблялось не всегда. Так, например, ни разу не использует его Фукидид, когда пишет о процессе гермокопидов, хотя в рассказе Плутарха о тех же событиях оно встречается, что заставляет вновь обратиться к вопросам: кого в Афинах называли сикофантами и не менялось ли значение этого слова со временем?

Поэтому целью данного исследования является изучение процесса расширения значения термина «сикофант» с момента первого его употребления в комедиях Аристофана и выявление факторов, способствовавших этому.

Объект и методы исследования

Объектом исследования выступает эволюция термина «сикофант», который афиняне использовали для обозначения обвинителей, на постоянной основе вызывавших в суд кого-то из своих сограждан.

Материалом для исследования послужили произведения Аристофана, прежде всего его комедии: «Ахарняне» 425 г. до н. э., «Всадники» 424 г. до н. э. и «Богатство» 408 г. до н. э., а также речи афинских ораторов конца V–IV вв. до н. э.: Андокида, Демосфена, Эсхина, Ликурга и Гиперида. В частности, были привлечены открытые в 2005 г. Н. Чернецкой новые фрагменты из речи Гиперида «Против Дионда» [Tchernetska, 2005].

Теоретическую базу исследования составляют работы современных исследователей, посвященные проблеме сикофантов [Кудрявцева, 2007; Lofberg, 1917; Bonner, Smith, 1938; Harvey, 1990; Christ, 1998; Osborne, 2010; Adkins, 2022], особенностям афинской демократии [Суриков, 2018; Суриков, 2025], политике Афин V–IV вв. до н. э. и деятельности ораторов в этот период [Маринович, 1993; Кудрявцева, 2016; Herrman, 2009; Horvath, 2009; Rhodes, 2009; Todd, 2009; Evangelos, 2020].

Методологической основой исследования являются общенаучные и общеисторические методы, основанные на принципах историзма, системности и объективности. В качестве общенаучных использовались методы анализа и синтеза, индукции и дедукции, обобщения исследованного материала, аналогии. Кроме того, применялись специальные исторические методы: историко-генетический, позволяющий проследить изменения в содержании понятия «сикофант» от его первого появления в комедиях Аристофана до его использования Гиперидом в речи «Против Дионда»; проблемно-хронологический, необходимый в изучении тех обстоятельств, которые способствовали смещению и расширению значения слова «сикофант».

Результаты и их обсуждение

Слово «сикофант» происходит от двух древнегреческих корней: σῖκον – плод смоковницы, и φαίνω – являть, обнаруживать. Аттидограф Истр в III в. до н. э. приводил на этот счет историю о том, что некогда в Афинах существовал запрет на вывоз сушеной смоквы (ισχάδας), а тех, кто выявлял торговцев, нарушавших данный запрет, называли сикофантами (FGrH 334 F 12). Косвенные подтверждения тому мы находим у Аристофана. Так, в его комедии «Ахарняне» сикофанты занимались именно тем, что выискивали контрабандный товар (Arist. Ach., 818–828, 908–927). Примечательно, что перед появлением на сцене сутяжника, мегарский торговец, ставший его жертвой, прячет за пазуху сушеную смокву, для обозначения которой, как и у Истра, используется слово ισχάδας (Arist. Ach., 809–810).

Тем не менее были и другие варианты его этимологии [Кудрявцева, 2007, с. 176]. Слово σῖκον вообще имело много различных подтекстов культурного, ритуального и даже сексуального характера [Osborne, 2010, р. 86]. Интересен, например, приводимый американским исследователем М. Крайстом афинский обычай раз в год выгонять из города двух аутсайдеров в качестве козлов отпущения, что сопровождалось обрядовыми действиями с использованием инжира [Christ, 1998, р. 51]. Это должно было подтверждать его теорию, согласно которой сикофант – это не «профессия», а навешиваемый на отдельных граждан негативный ярлык, с помощью которого афиняне открещивались от обвинений в страсти к сутяжничеству, перекладывая вину на назойливых обвинителей [Christ, 1998, р. 67–68].

Первым, кто заговорил именно о назойливости как главной черте сикофантов, был А. Эдкинс. Так, он отмечал, что знатные состоятельные афиняне могли использовать это слово против тех, кто пытался привлечь их к ответственности за неподобающее исполнение ими их гражданских обязанностей [Adkins, 2022, р. 188–189]. Наиболее показательны здесь реплики сикофанта из комедии Аристофана «Богатство», в которых сутяжник гордо заявляет, что «сохраняет устои отечества» и «не терпит ни тени беззакония», а упреки в его сторону сводятся к тому, что он «праздношатаем шляется» и «лезет в чужие дела» (Arist. Plut., 906–925). При этом сикофанты, согласно Аристофану, обвиняют в контрабандной торговле (Arist. Ach., 818–828, 908–927), неуплате пошлин (Arist. Equit., 300–303), хищении (Arist. Equit., 435–438; Plut., 880–882) и побоях (Arist. Plut., 930–932), то есть в реальных нарушениях законов.

Отдельно стоит рассмотреть комедию «Всадники», где сикофантом выступает личный враг Аристофана, популярный политик Клеон. Вероятно, что, подобно другим демагогам, он часто выступал в качестве обвинителя в суде, зарабатывая политические очки на привлечении к ответственности своих сограждан, избранных на государственные должности [Bonner, Smith, 1938, р. 43]. В Афинах каждый имел право выдвинуть обвинения против покидавших свой пост магистратов в ненадлежащем исполнении ими их обязанностей, что в целом не считалось чем-то предосудительным и даже наоборот воспринималось как исполнение гражданского долга [Lofberg, 1917, р. 45]. Как сикофантия подобное могло расцениваться лишь в случае, если угрозы выдвижения обвинений в коррупции и иных должностных преступлениях использовались в целях шантажа и вымогания денег, что мы видим в одной из сцен «Всадников», в которой Клеон угрожает Демосфену судом за украденные у афинян таланты, за чем следует предложение решить дело в досудебном порядке (Arist. Equit., 435–442).

В отличие от безымянного сутяжника из «Ахарнян», который хотел засудить бедного мегарского торговца, Клеон ищет своих жертв «среди граждан побогаче», и цель его не столько в привлечении к ответственности нарушителей порядка, сколько в получении взяток (Arist. Equit., 258–263). Образ сикофанта в лице Клеона, таким образом, сплетается с образом демагога – недобросовестного политика, заискивающего перед демосом и использующего его поддержку в личных, зачастую корыстных целях [Суриков, 2018, с. 186].

Это не только Клеон. В страсти к судебным тяжбам обвиняет Аристофан и другого демагога Гипербола (Arist. Ach., 842–847). Так, за сикофантами закрепляется слава сутяжников, что часто нападают на влиятельных политиков и богачей с целью поживиться, рассчитывая при этом, подобно демагогам, на поддержку среди низов и рядовых граждан. Особенно ярко это проявляется в речи Гиперида «В защиту Евксениппа», в которой оратор делает акцент на том, что называемый

им сикофантом Полиевкт «многократно напоминал в своей речи, что Евксенипп богат, и немного погоди [сказал об этом] снова, как будто он нечестным путем составил себе большое состояние», чем явно пытался склонить судей на свою сторону (Hyer. Pro Eux., XXIV, 32).

При этом тех, кто прибегал к подобного рода приемам, могли назвать как сикофантом, так и демагогом, о чем свидетельствует Демосфен, относящий к последним, в частности, и тех, кто «привлекает граждан к суду и отбирает имущество их в казну» (Dem. VIII, 69). В данном значении слово «сикофант» и войдет в лексикон ораторов конца V–IV вв. до н. э. Яркие портреты подобных персонажей дают нам Демосфен в своей речи «Против Аристогитона» (Dem. XXV, 52) и Гиперид в речи «Против Ликофрона» (Hyer. Pro Lycoph. F IVb, II, 2).

Руководство корыстными мотивами – это то, что традиционно считают одной из ключевых характеристик сикофантов [Кудрявцева, 2007, с. 178; Lofberg, 1917, p. 7; Bonner, Smith, 1938, p. 41]. Вместе с тем с обострением в IV в. до н. э. в Афинах внутривнутриполитической борьбы на фоне македонской экспансии, в речах афинских ораторов IV в. до н. э. начинают появляться пассажи, в которых сикофантами называют уже тех, кто систематически прибегает к суду в целях борьбы с политическими оппонентами.

Участие профессиональных обвинителей в политических процессах имело место и раньше, но чаще всего в подобного рода делах они выступали в качестве платных агентов на службе у третьих лиц, и именно это служило главным основанием для обвинений в сикофантии. В иных случаях слово «сикофант» долгое время обычно не употреблялось. Так, не использует его Фукидид при описании дела гермокопидов, а вот писавшему о тех же событиях в I в. н. э. Плутарху использование его в контексте политических преследований уже вполне привычно (Plut. Alcib. XIX, 5). Не называет сикофантами доносчиков по тому же делу и Андокид в своей речи «О мистериях» (And. I, 11–17), даже вымогавшего деньги за молчание Диоклида (And. I, 37–40). Хотя само слово в речи встречается, но направлено оно против обвинителей самого Андокида: Кефисия, который, по словам оратора, был нанят для этого его врагом Каллием (And. I, 121), и Эпихара, жившего за счет доносов и зарабатывавшего ремеслом сикофанта (And. I, 99). Не употребляется оно и в рассказе Ксенофонта о суде над обвинителями, принимавшими участие в процессе над стратегами после битвы при Аргинусах (Xen. Hell. I, 7. 35).

В IV в. до н. э. обвинения в сикофантии в контексте политических преследований становятся уже более распространенными. Это было время жестокого противостояния политических группировок, сформировавшихся вокруг фигур нескольких влиятельных ораторов: Ликурга, Демосфена, Гиперида, Эсхина и Фокиона [Маринович, 1993, с. 62], которым приходилось отстаивать свои позиции не только на народном собрании, но и в дикастерии, где их цель обычно заключалась в том, чтобы представить своих противников в негативном свете, в том числе с помощью обвинений в сутяжничестве. Подобное мы встречаем у Эсхина, который выдвигал такого рода упреки в сторону Демосфена (Aeschin. II, 5; III, 172, 256) и Тимарха (Aeschin. I, 20). В таком же контексте использует слово «сикофант» и Гиперид во фрагментах речи «Против Дионда».

Речь была открыта в 2005 г. Н. Чернецкой при изучении Архимедова палимпсеста, в котором, помимо трактатов древнегреческого математика, в том числе ранее неизвестных, были обнаружены фрагменты двух сочинений Гиперида: «Против Тимандра» и «Против Дионда» [Tchernetska, 2005]. Находка сразу привлекла внимание исследователей. В январе 2009 г. Институтом классических исследований при Лондонском университете даже была организована конференция, посвященная новым фрагментам Гиперида. В частности, отмечалась схожесть речи «против Дионда» с речью Демосфена «О венке» [Todd, 2009] и то, что первая во многом предвосхищала вторую и больше фокусировалась на событиях, произошедших после битвы при Херонее [Herrman, 2009]. Обсуждались вопросы датировки и интерпретации приводимых Гиперидом данных о численности афинских военных кораблей, принимавших участие в греко-персидских войнах [Horvath, 2009; Rhodes, 2009].

Суд состоялся либо в 335/4, либо 334/4 г. до н. э., и обвинение было направлено против Гиперида [Care et al., 2008, p. 2–3]. Имя Дионда уже встречалось прежде в речи Демосфена «О венке», где он выступал как один из множества профессиональных обвинителей на службе у политиков из промакедонского лагеря, выдвигавших свои обвинения в сторону противников

Филиппа II (Dem. XVIII, 222, 249). Благодаря же этой речи можно гораздо больше узнать о карьере подобного рода сикофантов, специализирующихся именно на политических судебных процессах. Также на ее примере можно проследить механизм, с помощью которого слово «сикофант» стало распространяться и на политические преследования.

Так, несмотря на то, что оно часто используется в качестве ругательства и негативного ярлыка, как метко подмечает М. Крайст, оратор, клеймящий кого-то как сикофанта, должен был убедить слушателей в том, что тот соответствует характеристикам, закрепившимся в обществе за профессиональными доносчиками [Christ, 1998, p. 60]. Одной из таких характеристик было то, что они возбуждают много судебных тяжб [Harvey, 1990, p. 113]. Этим и пользуется Гиперид. Так, сначала он говорит, что Диондом было внесено 50 жалоб, в том числе 3 против самого Гиперида (Hyer. C. Diondas, 3. 9, 23). При этом суть его обвинений сводится к тому, что Дионд «против тех, кто на пользу Филиппу вел государственные дела, ни одной еще жалобы не подал» (κατὰ μὲν τῶ(ν) ὑπὲρ Φιλίππου πολιτευομένων οὐδεμίαν πόποτε γραφὴν ἀπῆνευκεν), а «тех же, кто против него дела вел, бранит постоянно на всех собраниях» (τοῖς δὲ τὰναντία ἐκεῖνῳ πολιτευομένοις λοιδοροῦμεν(ος) διατελεῖ ἐπὶ πάντων τῶν ἀγῶνων) (Hyer. C. Diondas, 3. 10–15). То есть обвиняет он его в первую очередь в преследованиях по политическим мотивам, что не является характерной чертой сикофантов.

Поэтому Гиперид делает акцент на том, что «сикофанту свойственно много тяжб возбуждать» (ἐστὶ γὰρ σικοφάντου μὲν τὸ πολλοὺς ποιῆσαι ἀγῶνας), Дионд же, «хотя закон запрещает представлять перед судом до тридцати лет, до двадцати пяти лет вдвое больше них жалоб внес» (τοῦ νόμου ἀπαγορεύοντος μηδένα προσιέναι πρὸς τὰ δικάτῃρια πρὶν ἂν τριάκοντα ἔτη γένηται, πρὶν πέντε καὶ εἴκοσι ἔτη σοὶ γενέσθαι, διπλασίας αὐτῶν γραφὰς ἀπενήνοχας) (Hyer. C. Diondas, 8. 1–6). Здесь же он отмечает, что Дионд действовал «друзьям прислуживая, которые не осмеливаются подавать жалобы, чтобы не быть кем-нибудь побежденными» (ταῦ(τα) ἑτέροις ὑπερετῶν, οἱ αὐτοὶ μὲν οὐ τολμῶσιν γράφεσθαι, ἵνα μὴ τι ἂν χειρωθῶσιν) (Hyer. C. Diondas, 8. 6–9). Под неназванными друзьями оратор явно подразумевал более влиятельных политиков из промакедонского лагеря. Один из лучших кандидатов на эту роль – упоминавшийся в этой же речи Демад (Hyer. C. Diondas, 7. 10–16), который выступал посредником в переговорах с Филиппом II после битвы при Херонее [Сивкина, Новосильнов, 2022] и в целом активно контактировал с ним и его наследником в целях поддержания мира [Кудрявцева, 2012, с. 162–165], за что подвергался нещадной критике со стороны того же Гиперида, называвшего его агентом македонского влияния, по вине которого Афинам приходилось «терпеть рабство» со стороны македонских царей [Kucharski, 2023, p. 408]. В данном пассаже, в котором заявляется, что Дионд действовал в интересах третьих лиц, можно разглядеть намёк на ещё одну характеристику сикофанта – выдвижение исков за деньги [Harvey, 1990, p. 112], хотя и не ясно, как именно благодарили его друзья за оказанные услуги.

Суть же обвинений состоит в том, что Дионд использовал суд для борьбы с лидерами, проводящими антимакедонскую политику. В этом же контексте, но уже в сторону антимакедонских политиков использовал слово «сикофант» Эсхин, называвший так Тимарха и Демосфена. Если же углубиться в текст его речей, мы увидим те же механизмы расширения смысла понятия, что и в речи «против Дионда». Так, помимо многочисленности исходящих от них исков, Эсхин также делает акцент на то, что Тимарх, выдвигая свои обвинения против тех, кто участвовал в посольствах, якобы выступал в качестве «платного доносчика» (Aeschin. I, 20). Доказательств этому утверждению он не приводит, но этого хватает для того, чтобы оправдать дальнейшие обвинения в сикофантии.

В результате можно констатировать, что термин «сикофант» становится весьма многозначным. В последней трети IV в. до н. э. так могли заклеить практически любого обвинителя. На это, например, сетовал Ликург, писавший в конце 330-х гг. до н. э., что «дело доходит до того, что тот, кто подвергается личному риску и навлекает на себя ненависть ради всеобщего дела, может показаться человеком, любящим не свой город, а раздоры в нем» (Лус. С. Leocr., 3). Поэтому инициаторам судебных процессов нередко приходилось начинать свои

речи с оправданий и объяснений, почему их самих не стоит причислять к числу профессиональных сутяжников (Aeschin. I, 1; Лус. С. Леогр., 5).

Таким образом, можно проследить, как по мере все большей политизации судебной системы не использовавшееся ранее по отношению к обвинителям в политических процессах слово «сикофант» начинает применяться к тем, кто систематически использует суд в борьбе со своими политическими противниками, что в последней трети V в. до н. э. было ещё относительно новым явлением. Судебные процессы с участием политических деятелей имели место в Афинах и раньше. Тем не менее только со времени Пелопонесской войны можно говорить о превращении дикастериев в оружие, активно применяющееся против политических оппонентов [Суриков, 2025, р. 194–195]. Но сикофант тогда – это пока ещё карикатура на излишне бдительных граждан, что рьяно «сохраняют устои отечества» и «не терпят ни тени беззакония» (Arist. Plut., 914–915). Уже тогда образ сикофанта стал вбирать в себя черты, характерные для демагогов, в результате чего со временем этот термин стал обозначать шантажистов, руководствующихся исключительно корыстными мотивами.

Полное аллюзий слово быстро было взято на вооружение составителями судебных речей и стало использоваться ими столь часто, что со временем перестало ассоциироваться с обвинителями в суде и стало восприниматься просто как оскорбление. Стоит также отметить, что в последней трети V в. до н. э. судебное красноречие в Афинах находилось лишь на начальной стадии своего развития, и во многом именно громкие процессы, последующие за падением тирании тридцати, способствовали активизации деятельности логографов, занимающихся составлением речей на профессиональной основе [Evangelos, 2020, р. 8–9]. На это же время пришелся и стремительный рост числа дел по конфискации имущества [Цымбал, 2015, с. 124–125], которые сулили наибольшие выгоды для желающих привлечь кого-то к суду [Кудрявцева, 2008, с. 188–189], так как в случае победы обвинитель получал часть изъятых богатств.

Заключение

Таким образом, в комедиях последней трети V в. до н. э. слово «сикофант» использовалось для осмеяния жалобщиков, причём не всегда недобросовестных, но скорее приносящих неудобства излишним надзором за соблюдением законов. Уже тогда образ профессионального обвинителя стал вбирать в себя черты, характерные для демагогов, использовавших суд для зарабатывания политических очков и извлечения материальной выгоды. При этом данное слово пока еще практически не употреблялось в контексте политических преследований. Однако по мере активизации политической жизни в Афинах конца V–IV вв. до н. э., способствовавшей превращению судов в оружие для борьбы с политическими оппонентами, слово «сикофант» все чаще стало применяться к тем, кто систематически использует суд в борьбе со своими политическими противниками, ярким примером чему является речь Гиперида «против Дионда». В результате в последней трети IV в. до н. э. так можно было назвать уже любого сутяжника. Впоследствии термин и вовсе перестал ассоциироваться с обвинителями в суде и стал использоваться просто как оскорбление.

В качестве перспектив дальнейшего исследования можно провести изучение особенностей внутривнутриполитической борьбы в Афинах, распространение доносов и их влияние на широкое употребление термина «сикофант».

Список литературы

- Кудрявцева Т.В. 2007. Сикофанты и афинская демократия. *Вестник древней истории*. 2: 174–184.
- Кудрявцева Т.В. 2008. Народный суд в демократических Афинах. Санкт-Петербург, Алтейя, 464 с.
- Кудрявцева Т.В. 2016. Демад: pacis suasor, belli dissuasor. *Вестник Санкт-Петербургского университета*. 4: 159–173.
- Маринович Л.П. 1993. Греки и Александр Македонский: проблемы кризиса полиса. Москва, Наука. Издательская фирма «Восточная литература», 287 с.

- Сивкина Н.Ю., Новосильнов А.С. 2022. Битва при Херонее 338 г. до н. э.: проблема источников. *Клио*. 1(181): 28–34.
- Суриков И. Е. 2018. Античная Греция: Политогенез, политические и правовые институты. Москва, Языки славянской культуры, 760 с.
- Суриков И.Е. 2025. Из истории афинских олигархических переворотов конца V в. до н. э. II. Демагоги и их противники в 410-х гг. до н. э. *Проблемы истории, филологии и культуры*. 1: 186–199.
- Цымбал О.Г. 2015. Финансовые реформы в Афинах IV в. до н. э.: к проблеме кризиса греческого полиса. Дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 293.
- Adkins A.W.H. 2022. *Polu pragmosune and «Minding One's Own Business»: A Study in Greek Social and Political Values*. In: *The Philosophy of A.W.H. Adkins: «Virtue» and «Goodness» in Ancient Greece*. Cambridge, Cambridge Scholar Publishing: 178–212.
- Bonner R.J., Smith G. 1938. *The Administration of Justice from Homer to Aristotle*. Vol. II. Chicago, The University of Chicago press, 320.
- Care C. et al. 2008. Fragments of Hyperides' «Against Diondas» from the Archimedes Palimpsest. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 165: 1–19.
- Christ M.R. 1998. *The Litigious Athenian*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 317.
- Evangelos A. 2020. *Greek Rhetoric of the 4th Century BC. The Elixir of Democracy and Individuality*. Berlin, De Gruyter, 322.
- Harvey D. 1990. The Sycophant and Sycophancy: Vexatious Redefinition? In: P. Cartledge et al. (eds). *Nomos, Essays in Athenian Law, Politics and Society*. Cambridge, Cambridge University Press: 103–123.
- Herrman J. 2009. Hyperides' «Against Diondas» and the Rhetoric of Revolt. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 175–185.
- Horvath L. 2009. Hiperidea. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 187–222.
- Kucharski J. 2023. Hyperides, Diondas, and the First Ascendancy of Demades. In: A. Kapellos (eds). *The Orators and Their Treatment of the Recent Past*. Berlin; Boston, De Gruyter: 397–411.
- Lofberg O. 1917. *Sycophancy in Athens*. Chicago, University of Chicago libraries, 104.
- Osborne R. 2010. Vexatious Litigation in Classical Athens: Sykophancy and the Sycophant. In: *Athens and Athenian Democracy*. New York, Cambridge University Press: 83–102.
- Rhodes P.J. 2009. Hyperides' «Against Diondas»: Two Problems. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 223–228.
- Tchernetska N. 2005. New Fragments of Hyperides from the Archimedes Palimpsest. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 154: 1–6.
- Todd S.C. 2009. Hyperides «Against Diondas», Demosthenes «On the Crown», and the Rhetoric of the Political Failure. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 161–174.

References

- Kudryavtseva T.V. 2007. Sikofanty i afinskaya demokratiya [Siphophantes and the Athenian Democracy]. *Vestnik drevney istorii*. 2: 174–184.
- Kudryavtseva T.V. 2008. Narodnyy sud v demokraticheskikh Afinakh. [The People's Court in Democratic Athens]. Sankt-Peterburg, Alteyya, 464.
- Kudryavtseva T.V. 2016. Demad: pacis suasor, belli dissuasor [Demad: pacis suasor, belli dissuasor]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 4: 159–173.
- Marinovich L.P. 1993. Greki i Aleksandr Makedonskiy: problemy krizisa polisa [The Greeks and Alexander the Great: The Crisis of the Polis]. Moscow, Nauka, 287.
- Sivkina N.Yu., Novosil'nov A.S. 2022. Bitva pri Kheronee 338 g. do n. e.: problema istochnikov [The Battle of Heronaeus, 338 BC: The Problem of Sources]. *Klio*. 1(181): 28–34.
- Surikov I. E. 2018. Antichnaya Gretsia: Politogenez, politicheskie i pravovye instituty [Ancient Greece: Political Genesis, Political and Legal Institutions]. Moscow, Yazyki slavyanskoy kul'tury, 760.
- Surikov I.E. 2025. Iz istorii afinskikh oligarkhicheskikh perevorotov kontsa V v. do n. e. II. Demagogi i ikh protivniki v 410-kh gg. do n. e. [From the History of the Athenian Oligarchic Coups of the Late 5th Century BC. II. The Demagogues and their Opponents in the 410s BC]. *Problemy istorii, filologii i kul'tury*. 1: 186–199.
- Tsymbal O.G. 2015. Finansovye reformy v Afinakh IV v. do n. e.: k probleme krizisa grecheskogo polisa. [Financial Reforms in Athens in the 4th Century BC: The Problem of the Crisis of the Greek Polis]: dis. ... kand. ist. nauk. Yaroslavl', 293.

- Adkins A.W.H. 2022. *Polu pragmosune and «Minding One's Own Business»: A Study in Greek Social and Political Values*. In: *The Philosophy of A.W.H. Adkins: «Virtue» and «Goodness» in Ancient Greece*. Cambridge, Cambridge Scholar Publishing: 178–212.
- Bonner R.J., Smith G. 1938. *The Administration of Justice from Homer to Aristotle*. Vol. II. Chicago, The University of Chicago press, 320.
- Care C. et al. 2008. Fragments of Hyperides' «Against Diondas» from the Archimedes Palimpsest. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 165: 1–19.
- Christ M.R. 1998. *The Litigious Athenian*. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 317.
- Evangelos A. 2020. *Greek Rhetoric of the 4th Century BC. The Elixir of Democracy and Individuality*. Berlin, De Gruyter, 322.
- Harvey D. 1990. The Sycophant and Sycophancy: Vexatious Redefinition? In: P. Cartledge et al. (eds). *Nomos, Essays in Athenian Law, Politics and Society*. Cambridge, Cambridge University Press: 103–123.
- Herrman J. 2009. Hyperides' «Against Diondas» and the Rhetoric of Revolt. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 175–185.
- Horvath L. 2009. Hiperidea. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 187–222.
- Kucharski J. 2023. Hyperides, Diondas, and the First Ascendancy of Demades. In: A. Kapellos (eds). *The Orators and Their Treatment of the Recent Past*. Berlin; Boston, De Gruyter: 397–411.
- Lofberg O. 1917. *Sycophancy in Athens*. Chicago, University of Chicago libraries, 104.
- Osborne R. 2010. Vexatious Litigation in Classical Athens: Sykophancy and the Sycophant. In: *Athens and Athenian Democracy*. New York, Cambridge University Press: 83–102.
- Rhodes P.J. 2009. Hyperides' «Against Diondas»: Two Problems. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 223–228.
- Tchernetska N. 2005. New Fragments of Hyperides from the Archimedes Palimpsest. *Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik*, 154: 1–6.
- Todd S.C. 2009. Hyperides «Against Diondas», Demosthenes «On the Crown», and the Rhetoric of the Political Failure. *Bulletin of the Institute of Classical Studies*, 52: 161–174.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию 25.07.2025

Received 25.07.2025

Поступила после рецензирования 05.11.2025

Revised 05.11.2025

Принята к публикации 07.11.2025

Accepted 07.11.2025

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Мишин Андрей Валерьевич, магистрант кафедры истории древнего мира и средних веков, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

[ORCID: 0009-0004-0201-3777](https://orcid.org/0009-0004-0201-3777)

Andrey V. Mishin, Master's Student at the Department of Ancient and Medieval History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Сивкина Наталья Юрьевна, доктор исторических наук, профессор кафедры истории древнего мира и средних веков, Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия

[ORCID: 0000-0002-5521-4001](https://orcid.org/0000-0002-5521-4001)

Nataliya Yu. Sivkina, Doctor of Sciences in History, Professor of the Department of Ancient and Medieval History, National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia